

DOI: <https://doi.org/10.36719/3005-3137/7/152-160>

Ислам Агакеримов

Бакинского Славянского Университета

Доктор философии по филологии, доцент

<https://orcid.org/0009-0001-0064-1233>

agakerimov54@mail.ru

О Проблема Передачи Собственных Имен

(Некоторые суждения о воспроизведении собственных имен на переводящем языке)

Резюме

В данном материале рассматривается передача значений собственных имен, включая «говорящие имена», в переводящем языке как одна из актуальных проблем художественного перевода. В процессе анализа также рассматриваются некоторые переводческие затруднения, связанные с расхождениями лексико-грамматических и экстралингвистических закономерностей исходного и переводящего языков. Автор исследования подробно останавливается на вопросе переводческой компетентности, проявлявшейся в процессе воссоздания на втором языке названия произведения, которое имеет идентичное идейное содержание с именем художественного персонажа, являющегося носителем авторской концепции, и особо подчеркивает фактор о необходимости учета контекста при воспроизведении на втором языке значения собственных имен. При этом подчеркивается, что понятие контекст с точки зрения современного переводоведения подразумевает и узкий, и широкий контексты. Исходя из закономерностей художественного перевода, особое внимание уделяется значению фоновых знаний. Именно с этой целью на достаточно широком фактическом материале, демонстрируется важнейшая роль национально-культурных факторов, заключенных в семантике собственных имен, которая является серьезным препятствием полноценной передаче ее на второй язык. В аспекте сравнительно-сопоставительного анализа в качестве практических примеров используются образцы переводов различных жанров с азербайджанского языка на иностранные и наоборот. Здесь также учитываются характерные особенности прозаических и стихотворных текстов, что позволяет более глубоко анализировать сложности перевода и соответствие смысловых и

стилистических нюансов при переводе с азербайджанского языка на иностранные и обратно. В процессе исследования для наглядности рассматриваются как оригинальные, так и переводческие версии литературно-художественных и фольклорных произведений. К первым примерам относятся переводы произведений таких авторов, как А.Мицкевич, А.П.Чехов, С.Моэм, Дж.Мамедкулизаде, М.Ибрагимов, Ч.Гусейнов и другие. Ко второй группе текстов относятся оригинальные и переводческие версии произведений различных жанров народнопоэтического творчества. В ходе анализа выдвинутые нами критические замечания обосновываются теоретическими положениями известных зарубежных и отечественных учёных. Суммируя имеющиеся научно-практические результаты, можно отметить, что вопрос передачи собственных имён на переводящий язык, к сожалению, рассматривается довольно скупо, поверхностно, а порой даже противоречиво. Наблюдения показывают, что одни специалисты относят собственные имена к безэквивалентной лексике, тогда как другие считают их полностью совпадающими в исходном и переводящем языках. Следует отметить, что в этом направлении остаются и другие нерешённые противоречия, которые требуют дальнейшего изучения. Таким образом, приведённые в статье разнообразные примеры наглядно демонстрируют актуальность исследуемой проблемы.

Ключевые слова: имя, перевод, концепция, идея, содержание

Islam Agakerimov
Baku Slavic University
Doctor of philosophy in philology, Associate Professor
<https://orcid.org/0009-0001-0064-1233>
agakerimov54@mail.ru

On The Issue Of Trasnmitting Proper Names (Some Observations on the Reproduction of Proper Names in the Target Language)

Abstract

This material focuses on the transfer of meanings of proper names, including "talking names," into the target language, as one of the pressing issues in literary translation. The analysis also addresses translation difficulties arising from discrepancies in lexical-grammatical and extra linguistic patterns between the source and target languages. This study emphasizes the issue of translation competence, particularly in

reproducing the title of a work in the second language that reflects the same conceptual content as the name of a literary character, acting as the carrier of the author's concept. The article especially highlights the need to account for context when reproducing the meaning of proper names in the target language. The concept of context, from the perspective of contemporary translation studies, includes both narrow and broad contexts. Based on the principles of literary translation, the study pays particular attention to the importance of background knowledge. Through a broad factual analysis, the study demonstrates the role of national and cultural factors embedded in the semantics of proper names, which presents a serious obstacle to their full transmission into another language. The comparative-contrastive analysis provides practical examples of diverse translations across various genres from Azerbaijani to foreign languages and vice versa. The analysis also considers the distinctive features of prose and poetry. The study examines both translated and original versions of literary-artistic and folklore works for better clarity. Among the first examples are translations of works by authors such as A. Mickiewicz, A.P. Chekhov, S. Moan, J. Mamedkulizade, M. Ibrahimov, Ch. Guseynov, and others. The second group includes original and translated versions of different genres of folk poetry. The critical remarks made during the analysis are substantiated by theoretical positions from well-known foreign and domestic scholars. These diverse examples clearly demonstrate the relevance of the issue being investigated, offering a deeper understanding of the challenges faced in literary translation. The study emphasizes how crucial it is for translators to understand both linguistic and cultural factors in preserving the essence of the original text while adapting it to the target language and culture.

Key words: *neym , translate, konsepsiya, idea, contents.*

Введение

Одной из актуальных проблем художественного перевода является воспроизведение на втором языке собственных имен и «говорящих имен» персонажей. Как известно, на сегодняшний день во всех теоретических источниках по переводу о передаче собственных имен на переводящий язык говорится достаточно кратко и расплывчато, порою даже противоречиво. Одни специалисты эти слова относят к числу безэквивалентной лексики, другие называют их полностью совпадающими словами в исходном и переводящем языках. Надо сказать, что в этом направлении подобные противоречия еще неисчерпываются. Они (противоречия – И.А.) охватывают сравнительно широкий ареал, который нуждается в обстоятельном обсуждении.

При этом подавляющее большинство специалистов сходится в том, что

«имена не переводятся». И это естественно, ведь каждый народ вкладывает в понятие имени нечто специфическое, неповторимое, даже традиционное. Не для кого не секрет, что каждый родитель с наречением своего ребенка любимым именем, хочет в нем видеть или во всяком случае, возлагает надежду в осуществлении своей мечты, желания о своем чаде: Дашдемир (крепкий, здоровый), Сардар (лидер), Расул (посланник Бога), Сона (красавица), Надежда, Ратмир, Богдан... Иначе говоря, любое имя имеет свою этимологию или толкование, хотя на это не всегда обращают внимание. Однако следует заметить, что коннотация этих слов для перевода имеет первостепенное значение. Как известно, определенное количество из них давно стало нарицательным; типа Хам – Нам – один из сыновей Ноя, который был проклинен за неуважение к родному отцу [Бытие 9] или Езид – арабский эмир – ярый враг последователей пророка Мухаммеда и всего мусульманства, символ жестокости и беспощадности на Ближнем Востоке....

Основная часть

В практике перевода предметом дискуссии чаще всего выступают так называемые «говорящие имена». Однако прежде чем начать разговор о переводе собственных имен, как нам кажется, в первую очередь следует разграничить типы имен официального или юридического и литературно-художественного характеров. Потому, что в отличие от первого, второй тип включает в себя идейно-художественный смысл или проще говоря, авторскую концепцию, которая требует творческой «расшифровки» на переводящем языке. И сама «расшифровка» этих имен невольно вызывает вопросы, насколько их можно называть «безэквивалентной лексикой» и каким образом они могут переводиться?

Дело в том, что сама формулировка «перевод безэквивалентной лексики» в корне противоречива, о которой мы говорили и раньше. Если лексика на переводящем языке не имеет эквивалента или соответствия, то о каком переводе могла идти речь? Нам кажется, пора покончить с такой формулировкой, которая бытует во многих, даже солидных теоретических источниках и на это не всегда обращают внимание. Это похоже на явно «смягченный» русский перевод известного библейского выражения **«Избиение младенцев»** [Матфей 2;1-16] (Загот, 2004 ,s. 208), которое в течение многих десятилетий перекачивают из издания в издание. Как известно, там речь идет о приказе Ирода Великого, узнавшего о рождении ребенка, которому было суждено стать царем иудейским. И он распорядился всеми детьми – от двух лет и ниже – именно убить (slaughter of the innocents), но никак не избить.

Хотелось бы еще раз напомнить, что в употреблении термина «эквивалентность» также следует быть предельно осторожным, так как любой, даже самый совершенный перевод уже не оригинал. Следовательно, он стопроцентно не может заменить подлинник, тем более «говорящих имен». Здесь скорее всего, речь должна идти о степени передачи значений этих имен. Ведь в значение этих вымышленных имен авторы вкладывают особую роль персонажа, как основного носителя идейного замысла своих произведений.

Наблюдения показывают, что существуют различные принципы передачи значения таких имен, хотя не всех этих приемов можно считать оправданными. Одни переводчики, пользуясь транскрипцией или транслитерацией, дают дополнительные комментарии, другие обходятся калькированием, третьи прибегают к описательному переводу....

Конечно, во всех случаях творческие поиски переводчика, его поистине изобретательность могут дать полное представление о смысле этих непростых имен художественного персонажа. Здесь, наверно, не излишне будет, если в качестве примера еще раз приведем следующий отрывок из авторского перевода произведения Чингиза Гусейнова «Магомет, Мамед, Мамиш»:

«И за мастера Гая!

– Это мы его так прозвали. А зовут его Гаядемир Гамбароглы, Камень – Железо, сын Булыжника

– Гая – это скала, и к имени идет, и облику под стать!» (Вағиров, 2018, s.77).

Сравнительно широкое идейно-содержательное значение представляют эти «говорящие имена», когда они, выступая в качестве прозвища главного персонажа, и одновременно фигурируются в названиях произведений. Типа «Попрыгунья» (А.П. Чехов), «Məntiq Qasanoviç» (Мирза Ибрагимов), «Mister Know-all» (Сомерсет Моэм)... . И что примечательно, в подавляющем большинстве случаев, эти прозвища выражают иронический оттенок, на что переводчик должен обратить пристальное внимание. В противном случае может исказиться авторская концепция. Например, название рассказа «Попрыгунья» А.П.Чехова азербайджанская переводчица Ш.Агаева передает как «Hərdəmxəyal», которое не совсем подходит ветреному, легкомысленному характеру чеховской Ольги Ивановны. Здесь переводчице следовало бы исходить из всего контекста действий и характера героини. Слово «hərdəmxəyal» – (шаткий, непостоянный) намного смягчает чеховскую иронию. На наш взгляд, в данном случае более подходящим было бы азербайджанское слово «Dingiliş».

С аналогичной ситуацией мы встречаемся и в переводе баллады Адама

Мицкевича «Renegat» (BALLADA TURECKA), где в азербайджанском переводе произведение именуется как «Xain» (предательница). В этом случае азербайджанскому поэту-переводчику С. Рустамханлы следовало бы исходить из идейного содержания произведения и конечно же, характера героини, которая, будучи невольницей турецкого правителя, не хочет быть его наложницей, хотя тот безумно был влюблен в нее:

Martwa dziewczica ścisnęła rękę,
Pierścienia wydrzeć nie dała.
Na tem ja, bracia, kończę piosenkę,
I piosnka moja skołała (Mitskevič, 1998).

Девушка, до самой смерти, оставаясь верной своему возлюбленному, в своем пальце крепко уносит в гроб его обручальное кольцо:

Daha güc çatmaz qızın qatlanmış barmağına,
Üzüyə güc verdikcə, sanki sıxırdı əli.
Meyidi də sadıqdi öz sevimli yarına,
Sevgiyə gücü çatmaz, qılinc çəksə də əcəl! (Нелюбин, 2006, s. 76).

Иначе говоря, азербайджанский переводчик, несмотря на то, что мастерски передал идейное содержание баллады, заключенное в тексте оригинала, все же оставлял это неудачно выбранное им название произведения «Xain». Видимо, переводчика к такому выводу натолкнула неожиданная смерть Паши, настигшей его из-за безответной любви к бесподобно красивой невольнице.

Конечно, у поэзии свои законы. По справедливому замечанию одного из теоретиков в азербайджанской переводческой школы Н.Мамедова «Поэтический текст – сложно построенный организм. Все его смысловые элементы являются обозначениями определенного содержания» (Мамедов, 2001, s. 52). Как известно, компетентный «переводчик имеет в своем распоряжении эквивалентные средства выражения для воссоздания инварианта оригинала, но преднамеренно акцентирует другие стилистические моменты и таким образом, придают переводу новую эстетическую информацию. Тут речь идет об усилении выразительности оригинала (Çəxov, 1975, s.100). В данном случае азербайджанскому переводчику следовало употребить хотя бы такие названия как «Daşürəkli» («Бездушная»), «Əyilməz» («Непокоренная») или

“Qəddar» («Жестокая»).

Таких примеров можно привести не мало. Вспомним хотя бы азербайджанский перевод названия повести С.Моема «The Unconquered» (буквально – «Непокорная») как «İntiqam» («Мсть»), где французская девушка собственноручно убивает своего младенца, которого девять месяц носила под грудью. Она не смогла смириться с изнасилованием себя со стороны немецкого солдата, хотя последний всячески хотел искупить свою вину и жениться на нее. В переведенном варианте налицо явная неувязка – героиня всю злость своему ненавистнику или насильнику выражает убийством собственного ребенка, и переводчик все это называет «Местью», хотя автор, совершенно однозначно, называет ее: «**The Unconquered**» – «**Непокорная**». Иначе говоря, азербайджанский переводчик здесь полностью игнорирует контекст и идейное содержание всего оригинального варианта.

Конечно, каждый национальный язык обладает специфическими средствами и особенностями воспроизведения образа мышления конкретного народа. Именно по этой причине не всегда бывает возможным воссоздания на втором языке полноценного соответствия сугубо национальных выражений. Известный немецкий филолог В. Гумбольдт неслучайно называл язык «духом народа». Здесь уместно будет вспомнить самокритичное признание талантливого азербайджанского переводчика и литературоведа А. Шарифа, переводившего название произведения Дж. Мамедкулизаде “Zırtama” (буквально – «Неотесанный», «Дубина»...) как «Пустохлыст», которое не очень-то отражает выразительности азербайджанской народной речи.

Еще раз отметим, что при переводе помимо прочих условий, следует учесть и веками сложившиеся народные традиции по отношению собственных имен или прозвищ. Например, если у русских преобладают «описательные» или «говорящие» фамилии (Долгополов, Медведев, Кривошеев..), то у азербайджанцев эти особенности широко распространены в собственных именах (Qəhrəman, Nərgiz, Qızqayıt, Məhəbbət, Aygün, İradə, Lətafət, Aynur...).

Исходя из сложившихся традиций вокруг значений «говорящих имен», можно привести самые разные приемы или принципы. Однако главной целью перевода должно быть учет коннотативной нагрузки данной лексики. Конечно, задача переводчика может облегчиться по мере известности этих художественных персонажей. Особенно, когда речь идет об общеизвестных персонажах мировых классиков, в частности Низами, Физули (Лейли, Меджнун), Шекспира (Гамлет, Ромео, Джулетта, Шейлок..) Мольера (Тартюф), Гончарова (Обломов)...

При этом следует избегать буквализма. Дело в том, что дословный перевод смысла лексики неизбежно приведет к огрублению, упрощению стиля и прочим нежелательным последствиям. Сегодня такие имена как «Кабанихи», «Плюшкины», «Собакевичи» и другие не нуждаются в дополнительном объяснении в переводе; они сами своими действиями говорят о себе. Однако удачные переводческие находки всегда оправдывают себя. Например, «Mister Know-all» – «Мистер Всезнающий» – «Mister Çoxbilmiş» (С.Моем), «Толковый» – “Aqıl” (А.П.Чехов «В ссылке»)... (Федоров, 1983, s. 128,157).

Конечно, в некоторых случаях транскрипции и транслитерации должны сопровождаться дополнительными комментариями: Məntiq Həsənoviç – Мантиг Гасанович (мантиг-логика), Zülümov – Зулюмов (зулюм-гнет, мучение)...

Ни для кого не секрет, что для верной передачи значения имен художественных персонажей решающая роль играет овладение переводчиком фоновыми знаниями. Практика перевода показывает, что без учета культурно-исторических факторов и специфических форм выражения конкретного языка, трудно сохранить национальный колорит художественного персонажа. Имеются немало случаев, когда некомпетентный переводчик путает характерные национальные формы обращения к персонажам, особенно когда они выступают в качестве эпитетов или обращений в фольклорных текстах. Например, немецкий переводчик «Китаби-Деде Коркуда» Ф.Диц, не подозревая о функциональной сущности, искажал смысл некоторых лексических единиц. Например, такие средневековые огузские эпитеты как «qara qarlan» (черный барс), “at ağız” (отважный, сильный) ими были переданы как собственные имена: «Qara Qarlan», «At Aqiz».....

История художественного перевода свидетельствует, что «в связи с ростом переводческой деятельности в европейской литературе высказываются серьезные опасения относительно качества передачи иноязычных произведений и связанной с этим опасности засорения переводящего языка чуждыми словами и оборотами» (Сехов, 1975, s.126). Сюда следует добавить и недопонимание значений непривычных для носителей переводящего языка имен, во что автор вкладывал идейный замысел своего произведения.

Заключение

Таким образом, обобщая вышесказанные, мы полагаем, что во избежание отклонений от идейного замысла оригинала, в деле полноценной передачи собственных имен, переводчик должен обладать достаточными знаниями не

только лексико-грамматических закономерностей своего и переводимого языков, но и обстоятельным освоением фоновых знаний, а также умением исходить из прагматического или коннотативного контекстов.

Литература

1. Bağırov A. Moskvadakı Azərbaycan ədəbi-mədəni mühit fenomeni. Bakı: "Elm və təhsil", 2018
2. Загот М. Ищите и найдите. Англо-русский словарь библеизмов. М.: «Р.Валент», 2004
3. Мамедов Н. Поэтический перевод. Баку: «Маариф», 2001
4. Mitskeviç A. Kırım sonetləri. Pan Tadeuş. Bakı: "Mütərcim", 1998
5. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе. М.: «Флинта», 2006
6. Попович А. Проблемы художественного перевода. М.: «Высшая школа», 1980
7. Сехов А.Р. Нəкаyəлər. Bakı: "Azərbaycan dövlət nəşriyyatı", 1975
8. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: «Высшая школа» 1983
9. Швейцер. А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социалингвистику. М.: «Высшая школа», 1978
10. [https://pl.wikisource.org/wiki/Renegat_\(Mickiewicz,_1929\)](https://pl.wikisource.org/wiki/Renegat_(Mickiewicz,_1929))

Daxil oldu: 17.05.2025

Qəbul edildi: 29.06.2025